

Игорь Орлов

Напарник из другого отдела

КодМЫ
Детектив

Игорь Орлав

Напарник из другого отдела

<https://litres.ru/74523998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из городского фотоархива исчезают двадцать четыре коробки. Хранитель Павел Ланской привык доверять описям, журналистка Нина Руднева — разговорам с людьми. Вместе они пытаются восстановить путь пропавшей коллекции, но поспешная публикация бьёт по невинному человеку. На старых фотографиях тем временем обнаруживается другая странность: одного и того же мужчину годами убирали из кадра. Чтобы понять, кому понадобились негативы, напарникам придётся разобраться в давнем обвинении — и исправить собственную ошибку, пока чужая жизнь снова не превратилась в удобную подпись под снимком.

Содержание

1. Полка	4
2. Шесть мест	10
3. Перевозчик	15
4. Светлый рукав	20
5. Подтверждённая дата	25
6. Зелёные листья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Орлав

Напарник из другого отдела

1. Полка

На серой полке лежала одна резинка, стянутая узлом.

Павел Ланской видел её в пятницу на коробке с летними праздниками. Тогда он собирался выбросить резинку: она пересохла и могла рассыпаться на плёнку. Потом позвали к телефону, и маленькое дело осталось незаконченным. Теперь резинка сохранилась, а двадцать четыре коробки исчезли.

Он не сразу включил второй ряд ламп. В первом, неровном свете пустота казалась ошибкой зрения: металл сливался с задней стенкой стеллажа. Павел шагнул вбок. Светлые прямоугольники на полках сдвинулись вместе с ним. Никакой ошибки не было.

За дверью Нина Руднева стряхивала с охристого плаща дождевую воду. Она пришла за снимком старого трамвайного павильона и успела спросить, правда ли газетчикам снова запретили пользоваться чайником. Павел не ответил. Она заглянула в проход между стеллажами.

— Переставляли?

— Нет.

— Может, вчера?

— Вчера я работал в школе. Но переставлять без меня нельзя.

Нина оставила сумку у порога. Ей было тридцать шесть; невысокая, с широкими скулами и короткими чёрными волосами, она выглядела крепче, чем позволял её привычный способ обедать на бегу. Синий шарф промок на концах. Павел запомнил это отчётливее её лица: людей он надёжно узнавал по месту, голосу и одежде, а вне привычного окружения иногда проходил мимо знакомых.

— Не входите пока, — сказал он.

Нина остановилась с поднятой ногой и осторожно вернула её на прежнее место.

Павел позвонил директору. Произнесённое вслух количество — двадцать четыре — прозвучало неуместно маленьким. В коробках было тридцать лет Веречина: новые дома, старые дворы, заводские автобусы, воскресные очереди за мебелью, ледоходы, школьные спектакли. Большую часть снял Марк Корнеев, фотограф городской газеты. После его смерти фонд поступил сюда, в Дом городской памяти, и получил официальный заголовок «Городская фотохроника». В городе его называли просто фотоархивом.

Павел набрал Веру Кошелеву, которая занималась оцифровкой.

— Не трогай рабочую папку. Ничего не переименовывай. Отключать компьютер тоже не надо. Приди к хранилищу.

— Что случилось?

— Коробок нет.

После этих слов он сам услышал, как дрожит голос. Ему было сорок четыре, и он давно считал главным своим достоинством способность не суетиться. Сейчас хотелось открывать все шкафы подряд, как будто двадцать четыре коробки можно было по рассеянности сунуть к канцелярской бумаге.

Нина не доставала телефон.

— Что осталось отдельно? — спросила она.

Вопрос оказался полезнее сочувствия.

— Учётные книги. Контактные альбомы в читальном зале. Рабочие сканы.

— Второй альбом у меня. Вы в четверг дали для статьи.

Павел обернулся так резко, что она выпрямилась.

— Он дома?

— В редакционном шкафу. Под ключом. По расписке.

Он вспомнил: толстый зелёный переплёт, разрешение директора, три дня выдачи с продлением до вторника. Нина готовила постоянную рубрику о том, что на городских снимках обычно остаётся по краям. Она уже написала про женщину, которая двадцать лет красила одну и ту же ограду, и про ларёк, переживший три названия улицы. Павел поправил в её последнем тексте «открытие» на «повторное открытие». Она не обиделась, но принесла фотографию ларька с подписью «Торжественное третье открытие».

Теперь зелёный альбом оказался едва ли не самой ценной

вещью в городе.

Пришла директор, Анна Михайловна Трегубова, в пальто поверх домашнего свитера. До девяти она успела только отвести внука в школу. Выслушав Павла, позвонила в полицию и велела всем выйти из хранилища. Ключ остался у неё. Замок не был повреждён, дверь утром Павел открыл сам. На бумажной полоске, которой дежурный заклеивал дверь, стояла вчерашняя дата и подпись заместителя директора Аркадия Зорина.

Зорин появился последним. На светлом плаще не было ни одного тёмного пятна, будто он приехал не через дождливый город, а из соседней комнаты.

— Полностью? — спросил он.

Павел кивнул.

Зорин постоял, не приближаясь к двери. У него было широкое лицо, аккуратные седые усы и привычка придерживать подбородок двумя пальцами, когда слушал. Он ведал выставками, разговаривал со спонсорами и умел добывать деньги на вещи, которые остальным представлялись несбыточными. Новый сканер стоял в кабинете Веры благодаря ему.

— Вчера тару вывозили, — произнёс он наконец. — Может, перепутали помещение? Шесть кофров в театр.

— Пустых, — сказала директор.

— По накладной пустых. Но надо проверить.

Он сразу позвонил кому-то, отошёл к окну, долго объяс-

нял, зачем ему нужен начальник транспортного участка. Павел смотрел на его затылок и пытался вспомнить вчерашний график. Сам он разбирал школьный музей до половины шестого. Вера снимала витрины краеведческого отдела. Зорин остался здесь за старшего: директор ездила на областное совещание.

Нина тихо спросила у Павла, можно ли сообщить редактору только о факте пропажи.

— Решает Анна Михайловна.

— Я спрашиваю не о разрешении на новость. Есть ли уже установленный факт?

Он хотел ответить раздражённо, но понял разницу.

— При проверке отсутствуют двадцать четыре коробки. Причина отсутствия пока неизвестна.

— Так и напишу.

До приезда полиции они ждали в читальном зале. На столе лежала фотография, которую Павел приготовил для Нины ещё накануне выходных. Трамвайный павильон, две школы, человек с лестницей. Архивист взял жёсткую подложку вместе со снимком и поднёс к окну. На белом поле у края была крохотная вмятина в форме полумесяца. Он знал её наизусть.

Нина стояла в дверях, освещённая длинным прямоугольником коридорного света. Она не доставала телефон.

— Вы его нашли? — спросила она.

— Кого?

— Человека с лестницей. Мы спорили, электрик он или расклейщик.

Павел посмотрел внимательнее. На маленьком изображении лестницу держал мужчина с отвёрнутым лицом. Один рукав его куртки был светлее другого.

— Нет. Подпись только про павильон.

— Значит, пока электрик без имени.

Павел вернул снимок на стол. Дверь из читального зала в коридор закрылась со щелчком. Впервые за много лет он не испытал облегчения оттого, что посторонние наконец вышли из читального зала.

2. Шесть мест

Вадим Ельцов попросил Павла не показывать, как правильно держать журнал, а рассказать, кто мог его брать.

Павел убрал руку. Полицейский положил книгу на чистый край стола, и только после этого архивист начал отвечать.

Журнал внутреннего доступа лежал у вахтёра. По правилам Дома памяти ключ от хранилища выдавали под запись, а вернувший ключ заклеивал дверь полоской бумаги и расписывался на ней. Правила были местными, придуманными ещё до ремонта здания. Они не делали комнату неприступной, но оставляли цепочку имён. В понедельник ключ взял Зорин в семь тридцать пять. Вернул в девять двадцать. Напротив цели посещения написал: «Подготовка выставочной тары».

— Тара там хранилась? — спросил Ельцов.

— Нет. В соседней кладовой. Но проход к ней через общий тамбур.

— А один ключ?

— Два на связке.

Ельцов записал. Он говорил спокойно и не пытался изображать понимание всех архивных тонкостей. Если Павел произносил «единица хранения», переспрашивал, что это в данном случае: коробка, конверт или плёнка.

Зорин объяснил, что открыл оба помещения, чтобы про-

верить место для новых поступлений. Кофры стояли в кладовой. У грузчиков были широкие тележки, и дверь тамбура пришлось держать распахнутой.

— Шесть мест, — сказал он. — По четыре защёлки. Сине. Их невозможно спутать с нашими серыми коробками.

— Внутрь заглядывали?

— Нет. Они считались пустыми.

Павел почувствовал, как поднимается раздражение. «Считались» ему здесь не нравилось.

С вахты принесли второй экземпляр накладной. Шесть транспортных кофров для выставочного оборудования. Получатель — хозяйственная служба театра. На листе стояла настоящая подпись Трегубовой: директор подписала бумагу в пятницу. Ниже, другим шрифтом, было допечатано: «Сохраняемое согласно вложенной описи».

— Я этого не подписывала, — сказала она.

— Сам лист ваш?

— Мой. Строка появилась потом.

Зорин наклонился через её плечо.

— Вероятно, универсальный бланк. Там опись крепежа могла быть.

Ельцов попросил его не угадывать. Впервые за утро заместитель директора замолчал посреди вдоха.

К полудню из театра ответили, что шесть кофров у них. Оказалось, речь шла о другом комплекте, доставленном ещё весной: город закупил одинаковую тару для нескольких

учреждений. В понедельник хозяйственная служба ничего не заказывала. Человек, который мог принять груз без заявки, работал на отдельном театральном складе; до него пока не дозвонились.

Нина принесла зелёный альбом. Ельцов проверил расписку, записал, где тот находился последние дни, и оставил в читальном зале до отдельного решения. Снимки в нём не были красивыми. На каждом листе теснились десятки маленьких кадров, отпечатанных с плёнки, иногда перечёркнутых карандашом. На полях Корнеев ставил свои номера, понятные только ему и старой лаборантке.

— Это всё, что пропало? — спросил Ельцов, открывая альбом.

— Нет. Это только часть изображений, — объяснил Павел. — Такой лист помогает выбрать кадр. На нём видна последовательность, но мелкие детали не разобрать. Есть четыре альбома, и не все съёмки туда вошли. Отдельно сохранились шестьсот двенадцать отсканированных снимков. Большая часть фонда ещё не оцифрована.

— А список коробок есть?

— Есть старая опись и новая таблица размещения. Мы закончили перекладку две недели назад.

Павел вдруг ощутил стыдливую гордость: его таблица, над которой Зорин шутил, оказалась нужна. Корнеев хранил плёнки в разных конвертах, и при поступлении их распределили по приблизительным темам. Теперь отделили повре-

ждённые упаковки, перенесли подписи, установили соответствия. Коробка с прежним номером одиннадцать разошлась по трём новым. Человек, знавший фонд по старой описи, уже не мог подойти и достать нужную съёмку.

— Таблица у кого? — спросил Ельцов.

— У меня. Распечатка и файл. Копия у Веры.

— Ещё кому давали?

— Аркадий Сергеевич просил на прошлой неделе. Я обещал после сверки.

Зорин медленно повернул к нему голову.

— Для выставки, Павел. У нас через десять дней монтаж.

— Я и не говорю, что для чего-то другого.

Но по тону получилось именно это, и Павел поспешно опустил глаза.

После разговора Ельцов попросил сохранить всю переписку о перемещениях и составить список людей, работавших с коллекцией. Он не обещал найти коробки к вечеру. Директор закрыла хранилище, отменила занятия и разрешила Павлу сверять уцелевшие материалы в читальном зале. Нине предложила уйти.

— У меня в редакции часть газетных отпечатков, — сказала та. — Корнеев снимал для нас. Есть обороты с редакторскими пометками. И я знаю перевозчиков, которых вы нанимали на выставку.

— Полиция тоже умеет звонить перевозчикам.

— Конечно. Но у вас нет сотрудника, который сегодня

соберёт все сохранившиеся изображения. Павел один будет неделю описывать потери.

Трегубова посмотрела на неё без одобрения, но с вниманием.

— Никаких фотографий документов без разрешения. Никакого самостоятельного входа в фонд. И никаких обвинений от имени Дома памяти.

— Договорились.

Когда директор ушла, Павел подвинул Нине чистый лист.

— Сначала составим перечень.

— Сначала поедим. Потом я позвоню Денису Бородину. Он возил ваши стенды.

— Перечень займёт десять минут.

— Вы говорили так, когда объясняли мне разницу между открытием ларька и началом торговли. Я успела состариться на сорок пять.

Она достала из сумки два яблока. Одно положила ему на стол, но тут же, заметив его взгляд, переложила на подоконник подальше от альбома.

Павел впервые за утро улыбнулся. Потом написал наверху листа: «Сохранилось отдельно».

3. Перевозчик

В среду Денис Бородин чинил ручку фургона во дворе хлебозавода. Он сразу сказал, что с полицией уже разговаривал и второй раз одно и то же пересказывать не собирается.

Нина присела на корточки у открытой двери.

— Денис, я не про показания. Что у тебя с ручкой?

— Ломается.

— Это я установила самостоятельно. Новую привезли не ту?

Он посмотрел на неё и нехотя улыбнулся. Два года назад Нина писала о закрытом автобусном маршруте и три дня ездила с ним по посёлкам: тогда он подрабатывал водителем маршрутки. Статья не вернула автобус, зато помогла договориться о школьном рейсе, в который пустили взрослых. Денис помнил, что она действительно провела эти три дня на последнем сиденье.

Павел стоял рядом и испытывал неудобство от того, насколько быстро разговор перешёл к ручке. Он достал блокнот, но Денис указал отвёрткой:

— Сначала объясните, кто вы.

— Павел Ланской. Хранитель фотоколлекции.

— Так вы их потеряли?

— Именно это мы пытаемся установить.

Нина подняла голову. Павел услышал свой ответ и понял,

что он прозвучал хуже вопроса.

— Коробок нет в хранилище, — исправился он. — Я за них отвечаю. Хочу разобраться, что произошло.

Денис положил отвёртку на подножку.

Он получил заказ в воскресенье вечером. Звонил Зорин, с которым они работали не первый год. Шесть выставочных кофров, подача к восьми, въезд с улицы, выходящей к реке. Обычно Денис приезжал один, но на этот раз взял помощника. Зорин заранее сказал, что оборудование тяжёлое.

— Какое оборудование? — спросил Павел.

— Мне его не показывали. Синие кофры на колёсах. В каждый по человеку влезет, если очень захочет. Вы меня за это не записывайте, это я для размера.

— Нам сказали, они пустые.

— Пустой я бы один поднял. А эти мы вдвоём через порог переваливали.

Он показал жестом, как брались за боковые ручки. У одного кофра не крутилось заднее колесо. Денис подкладывал под него фанеру, чтобы не царапать пол в коридоре. Зорин торопил: до девяти двор требовалось освободить.

— Куда отвезли?

— Овражная, семнадцать. Театральный склад. Там женщина приняла. Всё у Ельцова есть.

— Подписала накладную?

— Мой экземпляр. Без вопросов. Только сказала ставить не внизу, а на деревянный настил.

Павел попросил описать наклейки. Денис помнил белые листы под прозрачной плёнкой и букву «Ф» перед числами. Нина сделала короткую пометку в своём блокноте, где вместо ровных строк получались островки слов и стрелок.

— Почему на Овражную? Основной склад у них за сценой.

— На Овражной старые декорации. Зорин так сказал. Вы думаете, я должен каждую коробку вскрывать?

— Нет, — ответил Павел. — Мы пытаемся понять, кто определил маршрут.

— Он определил. И грузил он. Я его даже попросил пиджак снять. Он отказался.

Павел записал это дословно. Имя перестало быть отвлечённой строкой в книге доступа. Зорин находился рядом с шестью тяжёлыми кофрами и сам помогал их вывозить.

Нина спросила, можно ли поговорить с матерью Дениса. Раиса Бородина много лет печатала снимки Корнеева. Они хотели узнать, что могло храниться у неё отдельно.

— Мать с чужими не любит. Ей уже звонили: отдайте фотографии, покажите рукописи. Как будто у неё в квартире редакция закрылась.

— Я попрошу, не потребую.

— Все так начинают.

Тем не менее он продиктовал номер и предупредил: после шести лучше не звонить, у матери сериал, который она ругает, но не пропускает.

Обратно они шли через рынок. Павел хотел немедленно сообщить директору о тяжёлых кофрах. Нина предложила сначала позвонить Ельцову, чтобы не устроить второе расследование в коридоре. Полицейский выслушал и подтвердил, что показания Дениса уже записаны. На Овражную ездили: склад закрыт, постоянного поста там нет, хозяйственная служба выясняет, кто принимал доставку. Установленную информацию о пропавшем фонде он просил направлять ему, а не распределять по знакомым.

— Значит, зря ездили, — сказал Павел.

— Почему зря? Вы теперь знаете, как выглядел вывоз. И Денис знает, что вы человек.

— А раньше?

— Раньше вы были учреждением с блокнотом.

Он хотел возразить, но у цветочного ларька они встретили продавщицу, которой Нина кивнула. Женщина неожиданно обратилась к Павлу:

— Вы опять мимо, Павел Андреевич.

Это была его соседка по лестничной площадке. Без домашней кофты и большого пса он её не узнал. Нина заметила заминку, но не помогала ему слишком явно. Просто спросила у женщины, как поживает собака.

Когда они отошли, Павел сам сказал:

— Мне нужно время, чтобы соединить лицо и имя. Особенно если встречаю не там, где привык.

— Зато вы помните, что у старого трамвайного павильона

было четыре стойки, а не пять.

— Это легче.

— Для вас.

Она сказала без утешения, и он почувствовал облегчение.

В кабинете Веры их ждала папка с фотографиями недавних перевозок. Девушка копировала содержимое старого телефона и одновременно готовила электронные карточки фонда. На экране были одинаковые синие кофры, одни и те же дверные проёмы, Денис в рабочей куртке.

— Здесь понедельник, — сказала Вера, показывая строку в программе. — Папку загрузила вечером. Я сейчас на сверку, вы пока смотрите, только ничего не меняйте.

На маленькой картинке Денис стоял у открытого фургона. За ним темнела зелёная крона липы; у дверей виднелся край афиши. Павел увеличил изображение кофра. Белый лист под прозрачной плёнкой начинался с буквы «Ф».

Нина наклонилась к экрану.

— Наконец-то можно показать, что именно ищут.

В заголовке столбца было написано «Дата загрузки». Павел переписал число в блокнот и не переписал слово.

4. Светлый рукав

Раиса Бородина согласилась принять их в пятницу к одиннадцати. По телефону она спросила, сохранились ли контактные альбомы, и, услышав, что да, сказала: «Ну хоть не совсем ослепли».

До пятницы Нине нужно было сдать материал о пропаже. Редактор Варвара Ященко согласилась оставить для него место в субботнем выпуске, но сайт требовал новостей ежедневно. Нина не любила слово «требовал», хотя оно точно описывало её жизнь: утром она отыскивала событие, к обеду добывала голоса, вечером убеждала себя, что не свела целый день чужой жизни к удобной цитате.

В четверг они с Павлом разложили в читальном зале уцелевшие отпечатки. В газетном архиве нашли девятнадцать конвертов Корнеева. Часть была подписана, часть переехала из старого здания в коробке из-под сахара, и дату предлагали устанавливать по причёскам.

Нина принесла фотографию открытия мастерских при речной пристани. Павел подложил под неё плотный лист, надел тонкие перчатки и осторожно перевернул. На обороте было написано: «Обрезать справа. М. просил».

Справа остались локоть и край куртки. Один рукав был светлее другого.

— Наш человек с лестницей, — сказала Нина.

— Возможно.

— Лица почти не видно. Но куртка та же.

— Куртка могла быть не единственной.

Она положила рядом второй снимок: люди расчищали ступени после половодья. По правому краю шла неровная белая полоса, а у мужчины с лопатой недоставало половины плеча. Кадр был обрезан так тесно, что общая сцена потеряла равновесие.

Третий отпечаток показывал шесть человек у нового навеса. На четвёртом, напечатанном в газете, их было пять. Изображения не дорисовывали: при печати просто выбрали более узкую часть негатива. Вместе с одним человеком исчезло ведро, стоявшее у его ног.

— Его вырезали, — произнесла Нина.

— На этих двух отпечатках. Мы ещё не знаем, почему.

Она посмотрела на него, ожидая следующей оговорки, но он уже открыл зелёный альбом.

Искать пришлось не лица. На контактных листах они были слишком малы. Павел сопоставлял столбы, положение лестницы и открытую створку ворот. Нина узнавала людей по походке, наклону плеча, привычке держать шапку. Иногда ошибалась. Один и тот же старик оказался двумя братьями, а мальчик в клетчатой рубашке — девочкой из театрального кружка.

К трём часам они нашли семь появлений человека со светлым рукавом. На ранних кадрах он смотрел в объектив сво-

бодно. На более поздних стоял в стороне или отворачивался. После одного определённого ноября у него будто возникло дело в другом конце комнаты всякий раз, когда фотограф поднимал камеру.

Нина принесла два стаканчика чая. Они пили в коридоре, сидя на подоконнике, потому что в читальном зале Павел не разрешал даже закрытую бутылку воды.

— Вас хоть раз фотографировали так, чтобы вам понравилось? — спросила она.

— На пропуск.

— Невозможный человек.

— Я там похож на себя.

— В этом и проблема пропусков.

Он рассмеялся неожиданно громко. В пустом коридоре смех показался неприличным, и оба замолчали. Потом Нина спросила, почему он выбрал архив. Павел ответил, что сначала собирался проектировать железнодорожные станции. Ему нравилось, когда много отдельных путей сходилось в понятном порядке. Но выяснилось, что рисовать пути приятнее, чем рассчитывать нагрузки.

— А вы?

— Я хотела делать радиопередачи. Сидеть в тихой комнате и разговаривать.

— В тихой?

— Да. Не смейтесь. Я даже сейчас думаю, что я человек очень спокойный.

Он не стал комментировать. Ему нравилось, что она могла сама услышать несоответствие.

К вечеру пришёл Зорин. Ему нужно было знать, можно ли сохранить выставку «Город помогает». Её готовили к годовщине большого ноябрьского разлива девяносто четвёртого года, когда жителей нижних улиц размещали в школе и в клубе. Зорин в молодости заведовал хозяйством пункта помощи. Теперь рассказывал об этом на встречах со школьниками и собирал вокруг старых фотографий благотворительный проект. Следующим этапом должна была стать полная оцифровка коллекции: подрядчик уже прислал график, и Вера освобождала для него второй стол.

Он сразу узнал один отпечаток.

— Это Мещеряков. Илья. Вozил тогда имущество.

— Здесь написано «вывоз похищенного оборудования»,
— заметила Нина, читая копию музейной подписи, приколотую к конверту.

— История неприятная. Генератор и обогреватели не дошли до школы. Он уехал с машиной. Потом многое перепуталось.

— Его признали виновным?

— До такого не дошло. Но город маленький.

Павел узнал подпись. В две тысячи семнадцатом он сам внёс её в каталог со слов Зорина. Ссылка в карточке вела на юбилейный буклет, который подготовил тот же Зорин.

— Нужно будет проверить формулировку, — сказал Па-

вел.

— Сейчас важнее найти фонд. Илья давно исчез, как и половина тех людей. Не отдавайте ему больше внимания, чем он заслуживает.

Зорин ушёл, оставив на столе проект новой выставочной этикетки. В заголовке стояло его имя.

Нина некоторое время смотрела на дверь.

— Как вы думаете, сколько внимания заслуживает человек?

Павел поправил угол подложки.

— У нас пока недостаточно сведений.

Она убрала чайный стаканчик в урну. На этот раз ответ её не устроил.

5. Подтверждённая дата

Буква «Ф» на белой наклейке кофра означала не «фотографии», а «фестиваль».

Об этом они узнали только в пятницу. В четверг вечером буква казалась Нине маленьким подарком судьбы: на изображении, сделанном в понедельник, лежала вещь, которую разыскивали с утра вторника.

Сам снимок оказался неприятнее, чем выглядел на экране Веры. Фургон стоял не у Дома памяти, а во дворе бывшей типографии. Нина узнала арку, покрашенное окно и странную вывеску «Этажерка», в которой первая буква была изготовлена из перевёрнутой цифры три. Там торговал старыми вещами Андрей Платов. Он покупал мебель, открытки, книги с дарственными надписями, иногда фотографии.

Павел посмотрел на кадр и сказал, что синие кофры действительно их: в августе на крышке одного появилась длинная царапина, похожая на крючок. На фотографии она была.

— Значит, Денис не всё рассказал, — сказала Нина.

— Он мог заехать туда по другому заказу.

— С шестью нашими кофрами?

Он не ответил. Вопрос был справедливым, если дата не вызывала сомнений. А дату Павел уже записал.

Нина позвонила Денису. Телефон был выключен. Она отправила сообщение с просьбой объяснить остановку у типо-

графии. Платов ответил сразу, но сказал, что о краже ничего не знает и фотография может быть какой угодно давности. Память о перевозках он по требованию газет не восстанавливает.

— Я не требую, — сказала Нина.

— Вы уже спросили, покупал ли я краденые фотографии. Только длиннее.

Он положил трубку. Ей стало досадно. Когда человек уклонялся от разговора, она почти всегда воспринимала это как задачу, которую пока не сумела решить. Мысль, что он может иметь право просто не разговаривать, приходила позже, когда материал уже был сдан.

В редакции горела одна лампа. Варвара Ященко собирала субботнюю полосу и просила Нину не растягивать новость на историю всех городских утрат.

— У тебя что установлено?

— Исчезновение фонда. Вывоз шести тяжёлых кофров. Маршрут, названный водителем. И снимок этих кофров в другом месте в день вывоза.

— Последнее кем подтверждено?

Нина посмотрела на Павла.

Он приехал в редакцию, чтобы помочь сопоставить старые негативные номера с газетными конвертами, и теперь сидел за чужим столом, слишком низким для его длинных ног. Редактор ждала ответа. Он ещё мог сказать, что видел только электронную строку. Вместо этого произнёс:

— В рабочем каталоге стоит понедельник. Фотография из папки о перемещении выставочного имущества.

— То есть дата подтверждена?

Слово было удобным, почти профессиональным. Павел кивнул.

Нина набрала текст. В нём не было прямого обвинения. Был вопрос: почему фургон с теми же кофрами оказался у покупателя старых фотографий, прежде чем груз доставили на склад? Была просьба откликнуться очевидцам. Было имя перевозчика, которое Нина считала необходимым, чтобы исключить путаницу с другими белыми фургонами. Была осторожная фраза о том, что обстоятельства ещё проверяются.

Снимок она обрезала. Слева оставалось слишком много пустой стены, сверху — крона липы, снизу — край яркой афиши. На уменьшенном изображении фургон и кофры стали хорошо видны. Редактор прочитала материал, попросила заменить «тайный рейс» на «неустановленная остановка» и нажала кнопку публикации.

Павлу не понравился заголовок «Куда свернул фотоархив». Он сказал об этом уже после.

— Заголовок вопросительный, — ответила Нина.

— В нём нет вопросительного знака.

Она хотела пошутить, но увидела, что он серьёзен. Поставила знак.

Они вышли из редакции около девяти. Дождь закончился. Мокрая мостовая отражала вывески так отчётливо, что мож-

но было читать их, глядя себе под ноги. Павел остановился у булочной. На стекле сохранилась надпись «Приём заказов на крендели», хотя крендели там не делали лет пятнадцать.

— Вот об этом я хотела написать, — сказала Нина. — О словах, которые пережили свои предметы.

— Иногда предметы возвращаются.

— Вы закажете крендель?

— Если они сохранили книгу заказов.

Нина смеялась, пока искала в сумке проездной. Он впервые заметил, что у неё квадратный подбородок и маленькая ямка на левой щеке. Обычно черты новых знакомых долго не складывались в надёжное лицо. Теперь сложились.

На остановке они договорились встретиться у Раисы Бородиной без десяти одиннадцать. Павел уточнил номер дома. Нина сказала, что дом знает: там в подъезде до сих пор пахнет яблоками, которые сушат на пятом этаже.

Он подумал, что это тоже своего рода система адресов.

Когда автобус увёз её, Павел достал телефон. В рабочем чате уже переслали новость. Зорин написал: «Очень тревожно. Хорошо, что не молчите». Директор ничего не ответила.

Павел перечитал текст на маленьком экране. Формулировка «дата подтверждена сотрудником архива» стояла в середине третьего абзаца. Увидев её не в редакционной программе, а под опубликованным заголовком, он испытал краткое удовольствие от завершённой работы.

Внизу было одиннадцать комментариев. Он не стал их от-

крывать.

6. Зелёные листья

Утром Денис ждал Нину у редакции. В руках у него был телефон. Он держал его так ровно, будто боялся уронить не вещь, а оставшееся терпение.

— Посмотрите.

Она узнала свою фотографию. Только на полном кадре были видны липа и афиша: «Августовский двор. Двадцать третьего». Возле фургона стоял мальчик в сандалиях, почти скрытый открытой дверью. Денис вёл пальцем по экрану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.